Глава 1.

Свет просачивался сквозь окно и падал на прекрасно нарисованный пейзаж.

Хоть это была комната для приема гостей семьи Нин, но она не была обставлена просто. Она была тщательно украшена дорогими золотыми и нефритовыми украшениями. Эти украшения демонстрировали всю элегантность и образованность семьи.

Погода была очень приятной. В печи пылал огонь. У двух девочек-слуг, одетых в зимнюю одежду, на носу поблескивал пот. Приближение весны не было столь приятным и радостным, как в прошлом году. Вместо этого царило какое-то неописуемое чувство угнетения и нетерпения.

Кто-то отодвинул занавески и вошел в комнату. Вместе с человеком ворвался и холодный ветер. Неизвестно что именно заставило девочек-слуг отступить, холодный ветер с улицы или вошедший человек.

Вошла еще одна девушка, в руках которой был изысканный бронзовый чайник. Одна из девушек быстро взяла его, а так же нашла несколько чашек на столе сбоку.

Эти движение не были ничем обременены, но они нарушали атмосферу спокойствия в комнате.

«Пожалуйста, выпейте чаю, мисс Цзюнь», прошептала девушка. Она подняла чашку, глядя на человека, сидящего на стуле.

Это была девушка четырнадцати или пятнадцати лет. Она была бы столь же красивой и без макияжа, шпилек и бусин. На ней было зеленое хлопковое платье.

Комната, в которой она сидела не была бедно обставлена. Люди чувствовали, что она так же элегантна, как цветущие орхидеи.

Однако, когда девушка-служанка посмотрела на стол, казалось, будто ее ужалила пчела. Ее взгляд переменился.

На красном деревянном столе, инкрустированном камнями, лежал белый шелк. На него явно падал взгляд из-за того, что он лежал на фоне красного и зеленого.

В настоящее время на этот кусок шелка смотрела пожилая женщина.

Семья Нин из Бэйлю, Янчэн не только выпустила дюжину императорских секретарей академии Ханлин, но и владела половиной угольных бассейнов префектуры Цзэ. Поэтому маленькое окошко было затянуто не обычной бумагой, а стеклом из южных морей.

Во всем Янчэн и даже во всей префектуре Цзэ были лишь две семьи, которые могли позволить себе это стекло.

Стекло было мутноватым, но силуэт девушки был хорошо различим.

Она не в первый раз видела эту девушку. Фактически она приехала сюда два дня назад.

Девушка протянула руку и взяла чашку. Сделав глоток, она наморщилась и поставила ее обратно.

Женщина могла лишь догадываться почему.

Она могла различить лицо девушки сквозь стекло, но не могла увидеть его выражение.

Тем не менее, когда она увидела, что та поставила чашку, она была уверена, что все из-за того, что чаем был Юйцянь Лунцзин [1].

Хоть девушка и была в потертой одежде, она приехала из той семьи префектуры Цзэ, где тоже могли быть стеклянные окна, торговый дом Фан.

Ее фамилия была Цзюнь. Ее мать была старшей дочерью семьи Фан. Хоть она и вышла замуж за члена менее богатой семьи, экстравагантность ее свадьбы еще несколько лет обсуждалась в префектуре Цзэ.

Эта семья не привыкла пить чай таких грубых сортов. По крайней мере, в последний раз ей подавали Минцянь Лунцзин [2].

Женщина осматривала комнату. Девушка, что опустила свою чашку, грациозно сидела, она ждала и не проявляла и капли нетерпения. Маленькая служанка, стоявшая рядом с ней, потянула ее за рукав.

«Подайте моей служанке чашку чая», сказала мисс Цзюнь.

Женщина услышала мягкий голос, исходивший из комнаты.

Служанка немедленно принесла чашу чая маленькой девочке. Она с радостью взяла ее и начала пить.

«Еще одну чашку», попросила служанка.

В отличии от прошлого раза, она уже не стеснялась. В этот раз она чувствовала себя куда увереннее.

«Они, вероятно, думают, что могут запугать нас».

В глазах женщины промелькнула насмешка.

«Матушка Сон», обратилась молодая служанка, помахав женщине.

Женщина отвернулась от окна и пошла по узкой тропинке в другой двор. На веранде у главного входа стояли девочки-служанки, она разговаривали и смеялись. Из-за дверных занавесок, расшитых золотыми нитями раздавался звонкий смех.

Увидев, что вошла женщина, девушки воскликнули: «Матушка Сон!»

Затем они открыли занавески, позволив женщине войти. В комнате стоял мягкий аромат. В этой комнате было много людей, которые сидели или стояли, однако все их взгляды были прикованы к женщине в центре.

Казалось, что ей было около сорока, у нее были элегантные черты лица. Она мягко улыбалась, слушая разговоры женщин перед ней.

Они были немного моложе, некоторые были одеты весьма экстравагантно.

Вокруг большого квадратного стола в восточной части комнаты сидели три девочки-подростка. На каждой из них было красное пальто поверх желтого платья, все они были красивы. Хоть вся

комната и была наполнена смехом, в их уголке царило молчание.

Матушка Сон не сразу присоединилась к разговору, он взяла у слуги чашку чая и встала рядом с женщинами, улыбаясь и слушая их разговор.

«Старшая сестра, перед храмом уже установили зимнюю сцену».

«Мне придется побеспокоить третью сестру, чтобы разобраться с театром. Но я не сильно об этом переживаю».

«В этом месяце беженцев было больше, чем обычно. Беспорядок на северной границе становится все сильнее. Пора бы с этим разобраться».

«Вторая сестра тоже отправила людей, чтобы решить этот вопрос».

Сестры говорили меду собой, а женщина стояла в стороне и кивала.

«Хорошо, этот план очень хорош. Но мне придется вас побеспокоить», сказала она.

Старшая Нин была дружелюбной и доброжелательной. Она уважительно относилась к родителям и сестрам. Все ее хвалили.

После речи молодых женщин, она обернулась и посмотрела на Матушку Сон.

«Вы кого-то увидели?», спросила она.

Этот вопрос заставил замереть все остальные беседы в комнате.

Матушка Сон согласилась.

«Сестра, неужели мисс Цзюнь снова пришла? Разве она не уехала?», спросила третья сестра Нин.

Старшая Нин улыбнулась и поставила свою чашку.

«Она не уехала. Она нашла гостиницу неподалеку и разыграла самоубийство, а теперь она снова вернулась», сказала она.

Самоубийство?

«Это уже слишком, неужели это не волнует семью Фан?»

«Может семья Фан сделала это специально?»

Они нахмурились и говорили сердито.

Старшая Нин покачала головой.

«Это определенно не было сделано специально», сказала она.

Двое сестер улыбнулись.

«Сестра, ты так благожелательна в своих суждениях о других людях», сказали они вздохнув.

Девушка из восточной части комнаты повернула голову и внимательно следила за разговором.

«Матушка, для Цзюнь Чжэньчжэнь это не редкость. Она относится к семье Фан как к тиранам! Старшая Фан пыталась поговорить с ней, но она угрожала покончить жизнь самоубийством, она даже угрожала пожаловаться дяде и рассказать, как ее используют!», воскликнула она.

Эти слова шокировали людей в комнате.

«Яньянь», старшая Нин нахмурилась. Обсуждение других людей за спиной это вовсе не то поведение, что должна демонстрировать девушка из благородной семьи.

Это была старшая дочь Старшей Нин, семнадцатилетняя Нин Яньянь.

«Тетушка, тетушка, это правда! Она молодая мисс из имперской семьи и смотрит на остальных пренебрежительно, словно на торгашей».

«Мне тоже кое-что известно. Я видел ее и другого человека, который высмеивал ее старшего двоюродного брата на банкете. Все закончилось тем, что ее брат расплакался и ушел с мероприятия».

Другие две девушки поспешили вступить в этот разговор.

Трое из них постоянно галдели и никто из них не слышал мягкого голоса Старшей Нин. Вся комната погрузилась в хаос.

Эта мисс Цзюнь была в Янчэн всего пол года, но ее репутация была известна уже многим. Кроме того, эта репутация не была хорошей.

«Семья Фан – неотесанные торговцы», сказала третья сестра Нин, нахмурившись: «Отец мисс Цзюнь человек науки. А с другой стороны представители чиновников, как они могли воспитать такую дочь?»

Что было с дочерьми других людей их не волновало. Другие дочери не имели никакого отношения к семье Нин, но именно дочь семьи Цзюнь говорила о помолвке с семьей Нин.

«Помолвка действительно состоится?», не могла не спросить четвертая сестра Нин: «У нее действительно что-то есть с Чжао? Отец это подтвердил? Это большая проблема, отец никогда об этом раньше не говорил».

Старшая Нин беспомощно вздохнула.

«Я спросила Матушку, она сказала, что Отец встречался с мастером Цзюнь», сказала она: «Пятнадцать лет назад тесть решил уйти со своего поста и начать путешествовать по миру. Когда он проходил через Рунан, он заболел. Он попал к доктору Цзюну. Доктор Цзюнь смог излечить его болезнь. Тесть не знал как его отблагодарить. Он услышал, что сын доктора Цзюнь только что женился и решил, что им стоит объединить свои семьи. Тогда Чжао было всего три года».

Не придумал другого способа отблагодарить.

Две Старшие в этой комнате поняли значение этой речи.

«Мастер Цзюнь был врачом, разве не его долг лечить людей?», спросила третья сестра Нин: «Это награда чрезмерна. Это ведь входит в обязанности врача – лечить!»

Похоже его больше занимала гонка между драконом и фениксом [3]. Если так, то он бы не стал

игнорировать его статус.

«Может тогда он был вынужден», сказала четвертая сестра Нин, покачав головой.

В противном случае он бы не пообещал нечто подобное, брак своего внука.

«Он никогда не говорил об этом, я не знаю чем он руководствовался», сказала старшая Нин. Ее голос стал более серьезным с этими словами: «Старшая сказала, что этого не случится. Я доходчиво объяснила это людям из семьи Фан, когда они пришли спрашивать об этом. Однако молодая мисс, похоже, не слышала об этом. Очень жаль, что юная мисс семьи Цзюнь так рано потеряла родителей. Я не хочу быть к ней слишком жестокой…»

«Матушка!», воскликнула Нин Яньянь: «Ее жалко, а десятого старшего брата не жалко. Ему просто не повезло? Ее родители умерли не из-за нас, так почему мы должны пожертвовать столь важной жизнью десятого брата, чтобы угодить ей?»

«Да, десятый брат просто гений, его похвалил сам император. Как можно обременять его столь ничтожным человеком, как Цзюнь Чжэньчжэнь?», две другие девушки мгновенно к ней присоединились.

Комната снова разразилась возгласами.

Похоже, у старшей Нин от этого шума начались головные боли, она беспомощно терла свой лоб.

«Но я не могу просто сидеть и смотреть, как молодая мисс Цзюнь пытается свести счеты с жизнью», сказала она.

«А теперь она принесла шелковую ленту и бросила ее на стол. Это очевидная угроза», вмешалась матушка Сон: «В прошлый раз она угрожала повеситься в гостинице, а теперь она хочет сделать это не нашем пороге».

«Она посмеет!» воскликнула третья сестра Нин.

[1] Лунцзин: разновидность зеленого чая. Собирается в середине апреля.

[2] Минцянь: разновидность зеленого чая. Собирается в начале апреля.

[3] Гонка дракона и феникса: противостояние богатым в надежде получить выгоду.

http://tl.rulate.ru/book/6355/119494